

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/XIFCHO>
УДК 821'01.0
ББК 83.3(0)32

РОЛЬ ЭПИЗОДА СО ШТОРМОМ В «ТРАГЕДИИ ОРЕСТА» ДРАКОНЦИЯ (ОТ. 41–45)

© 2025 г. И.М. Никольский

*Российская академия народного хозяйства и
государственной службы, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 09 июля 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 21 декабря 2024 г.

Дата публикации: 25 июня 2025 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-70-83>

*Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской
работы государственного задания РАНХиГС*

Аннотация: В статье рассматривается начальный эпизод «Трагедии Ореста» Драконция со штормом (ст. 41–45) с точки зрения влияния на дальнейший ход повествования. Хотя речь идет о завязке сюжета в одном из крупнейших и наиболее зрелых произведений карфагенского поэта, это место до сих пор не становилось предметом специального интереса со стороны исследователей и комментаторов. В работе предпринимается попытка закрыть этот пробел. Значимость эпизода очевидна даже при самом беглом знакомстве с поэмой. Из-за шторма Агамемнон возвращается в Микены с опозданием, что дает возможность его жене Клитемнестре и ее любовнику Эгисфу спланировать заговор и убийство царя. За этим следует уже центральное событие, месть Ореста, и целая цепь трагических событий. Я пытаюсь доказать, что шторм важен не только с сюжетной, но и с композиционной точки зрения, влияя на понимание расстановки персонажей, а также имеет важный символический смысл, служа аллегорией одновременно войны и смуты. На мой взгляд, эпизод играет важную роль для понимания общего смысла поэмы, ее связей с остальным творчеством Драконция и предыдущей литературной традицией, а также позволяет обнаружить актуальный для времени создания произведения (конец V в.) политический контекст.

Ключевые слова: Драконций, вандалы, Карфаген, Северная Африка, римская литература, латинская поэзия, поздняя Античность, Орест, буря, буря в поэзии.

Информация об авторе: Иван Михайлович Никольский — кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, пр-т Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0001-6428-5357>

Email: ivan.nikolsky@mail.ru

Для цитирования: Никольский И.М. Роль эпизода со штормом в «Трагедии Ореста» Драконция (ОТ. 41–45) // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 2. С. 70–83. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-70-83>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 2, 2025

ROLE OF THE STORM EPISODE IN DRACONTIUS' *ORESTIS TRAGOEDIA* (V. 41–45)

© 2025, Ivan M. Nikolsky

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia*

Received: July 09, 2024

Approved after reviewing: December 21, 2024

Date of publication: June 25, 2025

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of the RANEPА state assignment research program.

Abstract: The paper deals with the storm episode (v. 41–45), which is the opening episode in the *Tragedy of Orestes* (*Orestis Tragoedia*) by Dracontius, in terms of affecting further narrative. Although it is a starting point in one of the most substantial and mature works of the Carthaginian poet, it has not yet been the subject of special interest by researchers and commentators. This paper attempts to close this gap. The episode's significance is evident even at the most cursory acquaintance with the poem. Because of the storm, Agamemnon returns to Mycenae late, which gives his wife Clytemnestra and her lover Aegisthus the opportunity to plan a conspiracy and murder of the king. This is already followed by the central event, the revenge of Orestes, and a whole chain of tragic events. I try to prove that the storm is important not only from the plot point of view, but also from the compositional point of view, influencing the understanding of the arrangement of characters, and also has a significant symbolic meaning, serving as an allegory of both war and civil strife. In my opinion, the episode plays a crucial role in understanding the general sense of the poem, its connections with the rest of Dracontius' work, and the previous literary tradition. It also allows us to discover the political context relevant to the time of the work creation (late 5th century).

Keywords: Dracontius, Vandals, Carthage, North Africa, Latin poetry, Roman literature, Late Antiquity, Orestes, storm, storm symbolism in poetry.

Information about the author: Ivan M. Nikolsky, PhD in History, Assistant Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave., 82, 119571 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0001-6428-5357>

E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru

For citation: Nikolsky, I.M. "Role of the Storm Episode in Dracontius' *Orestis Tragoedia* (v. 41–45)." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 2, 2025, pp. 70–83. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-70-83>

Поэма Драконция «Трагедия Ореста»¹, о которой идет речь в настоящей статье, занимает особое место в творчестве ее автора, римского поэта из Карфагена второй половины V в. Это самое крупное из его сочинений, условно относимых к «светской» тематике, так называемых *carmina profana*², и, по всей видимости, самое позднее — хотя выстроить точную хронологию невозможно из-за нехватки биографических сведений³. При этом «Трагедия» не входит в сборник *Romulea*⁴, в отличие от подавляющего большинства таких его поэм, так что в определенный момент в исследованиях поднимался вопрос о ее авторстве⁵.

Сюжет этого эпического, несмотря на слово «трагедия» в названии, произведения объемом в 974 гекзаметрические строчки основан на мифе о мести Ореста за убийство отца, Агамемнона, собственной матери, Клитемнестре, и ее любовнику Эгисфу. По сравнению с традиционными версиями он содержит некоторые новации. Так, Агамемнон и Кассандра приплывают из Трои не вместе, а порознь. В необходимости отомстить главного героя убеждает тень Агамемнона, а за матереубийство вместо

1 Orestis Tragoedia, далее — ОТ.

2 Разделение произведений Драконция по принципу заявленной христианской (*carmina Christiana*) и светской (*carmina profana*) тематики давно укоренилось среди исследователей его творчества и применяется в том числе при издании и комментировании текстов. См.: [21; 22].

3 «Трагедия» конкурирует за право называться последним произведением Драконция с «Медеей». О хронологии сочинений Драконция см., например: [6; 15].

4 Сокращенно *Rom.* Содержит основную часть поэм светской тематики, включая мифологические, декламационные поэмы, благодарственные и поздравительные стихотворения. Ссылки на произведения из этого сборника в статье приводятся с учетом их номера в нем: *Rom.* 5, *Rom.* 8 и т. д.

5 Дискуссия на этот счет шла в основном в XIX столетии и разрешилась в пользу авторства Драконция. См. подробнее: [14, p. 5–6].

Эриний привлекает к суду Молосс, сын еще одной его жертвы, Пирра. Среди персонажей возникает воспитатель Ореста по имени Дорилай. Такие значимые с точки зрения сюжета детали, вкупе с необычными репликами героев — например, о том, что «Фивы Микенам соседние стены», — сами по себе позволяют задаться вопросом, стали ли авторские нововведения следствием искаженных представлений об античной мифологии или сознательным приемом [1].

Главная же интрига, связанная с поиском основной идеи поэмы, лежит в плоскости морали и по сути сводится к вопросу: правильно ли поступил Орест, убив Клитемнестру и Эгисфа. Проблема допустимости возмездия за вероломство возникает и в прочих произведениях карфагенского поэта — «Медее», «Похищении Елены». Обычно Драконция рассматривают как поборника христианских ценностей — в качестве критика либо прелюбодеяний, либо языческого мира со всей его мифологией в целом⁶. «Орест» не исключение: злодеями номер один принято считать Эгисфа и Клитемнестру. Главного же героя предлагается понимать если не как положительного персонажа, воздавшего изменнице-матери и совратителю-узурпатору по заслугам, то как жертву обстоятельств, обреченную мстить по воле богов: ведь и афинский суд в конце концов его оправдал (OT 887–962)⁷.

Думать, что проблема дидактического смысла поэмы решена, впрочем, было бы преждевременно. Сама по себе авторская квази-лукановская манера⁸ говорить парадоксами — вроде *pius furor, pius impietate*, в том числе по отношению к заглавному герою⁹, — заставляет усомниться в правильности сложившегося общего мнения о его положительном образе. Или

6 См. набор работ в следующей сноске. Упомянутый в ней Э. Вольф, впрочем, в своей недавней статье отверг идею о христианском духе мифологических поэм [20].

7 См.: [6, p. 205–206; 7, p. 26; 25, p. 28–37; 18; 19, p. 66]. Противоположное мнение высказала итальянская исследовательница Т. Привитера, см.: [12].

8 О параллели с прологом к «Фарсалии» (Лус. BC I.1–7) см.: [14, p. 71]. Само по себе влияние Лукана, как и Стация на Драконция, пусть и в меньшей степени по сравнению с Вергилием, Овидием и Стацием, давно не вызывает сомнений. См., например: [4, p. 178; 17, p. 280–291].

9 Приведенные обороты («благочестивая ярость», «благочестивый нечестием» [Орест]) можно найти, в частности, в прологе. См.: OT 5–10 или OT 19. Для Драконция они в принципе не были чем-то удивительным. Обнаружить похожие выражения в характеристике героев можно в «Похищении Елены» (Rom. 8. 120–121, 137–138) или в «Хвале Господу», одной из *carmina Christiana* (LD 3.321–339, 344–361, 384), в моменты, когда они встают перед драматическим выбором, требующим жертв.

по крайней мере требует дополнительных доводов относительно благочестия / нечестия мстящего Ореста.

Подспорьем в этом смысле могут послужить некоторые детали композиции и сюжета, на первый взгляд далекие от кульминационных. К такому относится сцена шторма в начале поэмы (ОТ 41–45). Стихия не позволяет Агамемнону вовремя вернуться из Трои в Микены и уносит в Тавриду, где происходит его встреча с Ифигенией:

Interea findebat iter per caerula ponti.
 Irato tranquilla deo recidentibus euris
 Candida fluctuagi tendebant carbasa uenti:
 Quo non cursus erat, sed quo dux impulit auster,
 Taurica perducunt ad litora castra Pelasga¹⁰.

Комментаторы обычно не уделяют какого-то особенного внимания этому эпизоду. Исключением можно считать работу Э. Раписарды, рассуждавшего о влиянии на описание шторма предшествующей литературной традиции [26, р. 94–95]¹¹. В общем же случае исследователи ограничиваются частными замечаниями, к примеру, о том, кто подразумевался под «разгневанным божеством» («гневным богом» согласно Ярхо), *iratus deus*, устроившим шторм, — Диана или Минерва [23, с. 59, примеч. 18; 14, р. 74; 25, р. 167, п. 46; 24, р. 105–106]; или высказывают банальности, вроде того, что мотив шторма характерен для эпоса [14, р. 74].

На мой же взгляд, эта сцена, хоть ее литературные истоки уходят в глубину веков¹², имеет здесь самостоятельное значение и задает тон всему

10 В переводе В.Н. Ярхо [3, с. 59]:

Но между тем, как свой путь чрез спокойные глади лазури
 держит, накинусь Эвр по воле гневного бога;
 белую ткань парусов надувают бродящие ветры,
 но не туда их ведут, куда плыли, а к берегу Тавриды
 Австр пригнал корабли пеласгов, их путь изменивши.

11 Итальянский комментатор называет Эсхила в числе наиболее повлиявших на Драконция в описании сцены авторов. Из более близких хронологически отмечает Лукана.

12 Упоминание о буре, в которую попал греческий флот, возвращаясь из Трои, можно найти в «Одиссее» Гомера (3.130–195), «Агамемноне» Эсхила (620–685), впрочем, без идеи, что микенского царя она как-то сильно коснулась. Описанию шторма посвящена значительная часть трагедии «Агамемнон» Сенеки (430–600 / 410–580), но к встрече с Ифигенией он в ней не приводит.

дальнейшему повествованию. Она может быть рассмотрена сразу в трех плоскостях — сюжетной, композиционной и аллегорической, — приобретающая в каждой ключевое для интерпретации произведения значение.

С сюжетной точки зрения именно шторм играет роковую роль и в судьбе Агамемнона. Вызванная им задержка, с одной стороны, дает убийцам, Клитемнестре и Эгисфу, время на подготовку покушения, с другой — позволяет высказаться Кассандре, пленнице Агамемнона. Троянская провидица прибывает в Микены раньше него и произносит пространный монолог о несчастьях, ждущих дом Атридов (OT 133–152). Кроме того, читатель получает возможность узнать историю Ифигении, с которой отец сталкивается опять же благодаря шторму и которую ранее вполне готов был принести в жертву Диане, ради победы над троянцами.

Агамемнон в таком случае уже не просто обманутый муж и несчастная жертва. Во-первых, он сам ничуть не меньший прелюбодей, чем его жена, поскольку сделал своей наложницей Кассандру. И та будто бы санкционирует убийство микенского царя, называя Клитемнестру «мestью за Дарданидов», ultio Dardanidum (OT 138). Такая формулировка если не снимает с последней ответственность за измену и кровопролитие, то указывает на их неотвратимый характер — Клитемнестра здесь лишь инструмент судьбы.

Наконец, готовность Агамемнона принести Ифигению в жертву ради успеха в Троянской войне также является важнейшим признаком нарушения базовых этических норм для Драконция.

Проблеме того, допустимо ли жертвовать собой и своими близкими во имя чего-нибудь, целиком посвящена третья книга его богословской поэмы «Хвала Господу», причем значительную часть там занимают истории именно греческих и римских персонажей. Их примеры призваны проиллюстрировать идею: никакая жертва во имя земных благ, власти, славы не оправдана. Агамемнон отсутствует в ряду из упомянутых в «Хвале» Кодра, Менекея, Леонида и других, готовых убить себя или родных «ради чужого царства, ради своей славы» {Pro laude sua, pro regno alieno (LD 3.258)}, вероятно, лишь по той причине, что его дочь по случайности осталась жива.

Очевидно, что такую фигуру — изменника, почти насильника (ведь Кассандра — невольница), едва не ставшего убийцей собственной дочери, — читателям будет уже не так жалко. В свою очередь, те, кто с ним

расквитался, не получают от аудитории однозначного порицания, а мститель за его гибель, Орест, — однозначного одобрения.

Через рассматриваемую сцену можно объяснить и структуру «Трагедии». Эпизод шторма своеобразно повторяется ближе к середине поэмы. Чтобы уберечь Ореста и Пилада от возможного преследования со стороны Эгисфа и Клитемнестры, Дорилай сочиняет историю с гибелью юношей во время шторма (ОТ 360–379) при переезде в Афины, куда по сюжету их отвезла Электра. Убийцы Агамемнона верят в выдумку и предрешают тем свою дальнейшую судьбу. Юные мстители (Пилад станет сообщником Ореста) в спокойной обстановке подрастут, вернутся и покарают их. По существу, с этого момента начинается история не только гибели Клитемнестры и Эгисфа, но и безумия Ореста, которое дальше можно наблюдать в динамике. Сначала герою является призрак отца, подталкивающий к навязчивой идее о мести (ОТ 515–625). Дальнейшая трансформация изображается через сравнение Ореста и Пилада со львами, дикими зверьми (ОТ 796–797), представляющими традиционно негативный для Драконция образ (см., например: [11]). И наконец, мучимый фуриями и призраком убитой Клитемнестры Орест сходит с ума окончательно и, будучи не в силах утолить свою тягу к убийствам, лишает жизни еще и Пирра, мешающего его браку с Гермией (ОТ 803–819).

Если настоящий шторм, в который попадает Агамемнон, становится предвестником его физической гибели, то фиктивный шторм, в котором якобы погиб Орест, предвещает его моральный конец, несмотря на биологическое сохранение и даже статус оправданного судом.

Затронутая в «Трагедии» тема Троянской войны позволяет обратиться к «Похищению Елены», другой поэме Драконция, описывающей в свою очередь ее предысторию. Во вступительной части поэмы карфагенский поэт фактически обвиняет в развязывании Троянской войны греков, а именно неуступчивого Теламона, отказавшегося отдавать Приаму насильно удерживаемую им Гесиону (Rom. 8. 45–52). По сюжету «Похищения» именно во время посольства троянцев к грекам по этому поводу и произошло знакомство Париса с Еленой, что примечательно — благодаря шторму, забросившему корабль троянского пастуха на Кипр (Rom. 8. 425–427). И здесь, таким образом, шторм тоже занимает ключевое для сюжета место и предвосхищает войну. Тема не просто оказывается общей для двух поэм,

а соединяет их в дилогию. С бури Троянская война началась, бурей и кончилась — но для трагедии в Микенах послужила при этом прологом.

Связь между штормом и войной или смутой имеет не только композиционное, но и символическое значение. Сама по себе такая ассоциация, выраженная метафорой или аллегорией, не чужда античной традиции. «Грозовой тучей войны» назван Гектор у Гомера (Hom. Il. 17.243) и Амфиарай у Пиндара (Pind. N. 10, 9). В «Энеиде» Вергилия буря послужила предметом сравнения с войной — как Троянской (Verg. Aen. 2. 494–500), так и гражданской (Verg. Aen. 1. 148–150)¹³. В «Ахиллеиде» Стация Фетида назвала остров Скирос защитником от шторма именно в силу того, что тот стал прибежищем для скрывающегося от войны Ахилла (St. Ach. 1. 390–391). В качестве обозначающей мятеж политической аллегории иногда понимают и шторм в «Аргонавтике» Валерия Флакка [16, p. 79–112]. Даже если допустить, что Драконций знал не все эти примеры, очевидное влияние Вергилия, у которого параллель выражена самым прямым образом, через метафору, заставляет искать похожие смыслы и у автора «Трагедии».

Время, в которое жил Драконций, трудно назвать мирным. Римская империя рушилась, Северная Африка оказалась под властью вандалов, не особенно дружелюбно настроенных по отношению к местной аристократии. Сам автор пострадал от них, оказавшись в заточении при короле Гунтамунде (484–496 гг.), что стало самым известным фактом его биографии¹⁴.

Попытки обнаружить в «Трагедии Ореста» отражение окружавшей Драконция действительности периодически предпринимаются в научной литературе, хотя и не носят системного характера. И, разумеется, они привязаны к тем представлениям о «хороших» и «плохих» персонажах, которые утвердились в исследованиях. Соответственно образ варвара-узурпатора, неприятного автору-римлянину, ассоциируется прежде всего с Эгисфом [18, p. 32; 3, p. 162].

Если же отталкиваться от того, что пострадавший Агамемнон сам далеко не безупречен, картина получится иной. Резня в доме Атридов в таком случае должна служить аллегорией борьбы за власть среди вандальской

¹³ Обзор литературы, посвященной анализу шторма как политической аллегории у Вергилия, в частности в первой книге «Энеиды», можно найти, например, в работе: [10].

¹⁴ Об этом, как и о политических мотивах преследования, известно благодаря покаянной элегии «Искушение» (Satisfactio).

знати¹⁵. Да и furor Ореста, знаменующий продолжение семейной катастрофы, оказывается уже не столь «благочестивым» и вызывает аналогии скорее с безумием гражданской войны у того же Вергилия и Лукана¹⁶.

Фактически шторм в «Оресте» становится иллюстративным средством в изображении механизма того, как несправедливая и агрессивная война (а с точки зрения Драконция Троянская была именно такой) импортируется «внутрь» инициатора и становится уже его внутренней проблемой.

Похожий пафос обнаруживается еще в одном сочинении карфагенского поэта, «Контроверсии о статуе храброго мужа». Vir fortis, тот самый «храбрый муж», главный герой этой короткой декламационной поэмы, как раз воплощающий собой собирательный образ вандала [9], вернувшись из удачного похода, терроризирует бедняка на родине, развязывает гражданскую войну (Rom. 5. 10–15).

Тема расползающейся войны напоминает мрачный эпос времен Нерона и Домициана, хорошо знакомые карфагенскому поэту «Фарсалию» и «Фиваиду», с той разницей, что расползание идет в обратном направлении — не вовне, а извне.

Лукан в своей поэме показывал, как вспыхнувшая в одной точке война поэтапно охватывает всю империю, становясь повсеместной (см. подробнее: [2, с. 181–183]). Стаций в «Фиваиде» завуалированно грозил масштабированием братоубийственного конфликта за «нищее царство» до пределов империи¹⁷. После ее падения обстоятельства изменились: вместо одного большого государства образовалось много мелких варварских королевств, бьющихся за собственное независимое существование и устраивающих порой дерзкие экспансионистские вылазки.

Самый яркий пример связан именно с королевством вандалов. Установив контроль над Северной Африкой, они устраивают набег на Италию, грабят Рим и захватывают в плен и увозят вдову императора Валентиниана

15 Э. Вольф в статье 2020 г. предложил считать именно так, впрочем, не раскрывая своей аргументации: [20, p. 145].

16 Verg. Aen. 1. 294–296: Furor impius intus saeva sedens super arma et centum vinctus aënis post tergum nodis fremet horridus ore cruento... (в переводе С.А. Ошерова: «войны проклятые двери прочно железо замкнет; внутри нечестива ярость связана сотней узлов, восседая на груди оружия, станет страшно роптать, свирепая, с пастыю кровавой»); Luc. BC 1. 8: quis furor, o ciues, quae tanta licentia ferri? (в переводе Л.Е. Остроумова: «Что за безумье, народ, какое меча своеволие»).

17 Pugna de paupere regno (Stat. Theb. 1.151). См. подробнее: [13, p. 55–56].

Лицинию Евдоксию с дочерьми, одну из которых их король Гизерих (439–477 гг.) впоследствии выдаст замуж за своего сына и наследника престола Гунериха (477–484 гг.).

Уровень насилия внутри таких государственных образований, не в последнюю очередь обусловленный борьбой за власть, мало уступал внешнему¹⁸, и Драконций, вероятно, пытался аллегорически показать связь между этими явлениями. Вряд ли можно ответить на вопрос, подразумевал ли поэт под своими персонажами конкретных исторических личностей. Подобные параллели хоть и приходят на ум (не могла ли в виде Кассандры изображаться какая-нибудь из увезенных вандалами римлянок?) и порой даже проводятся в литературе [3, р. 229–230], но выглядят спекулятивными и, главное, недоказуемыми.

В данном случае важнее общий дидактический смысл «Ореста», довольно универсальный независимо от аудитории, времени и пространства: любая несправедная, начатая на внешних рубежах война, даже самая успешная, возвращает все принесенное ей горе в дом зачинщика, вызывает цепную реакцию в виде череды бесконечных убийств, остановить которую уже невозможно.

Список литературы

Исследования

- 1 *Никольский И.М.* Микены — «Фивам соседние стены»: страдал ли Драконций топографическим кретинизмом? // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: ИВИ РАН, 2019. Вып. 31. С. 198–200.
- 2 *Шумилин М.В.* Неостановимое мгновение. Время в «Гражданской войне» Лукана. М.: Дело, 2019. 208 с.
- 3 *Boshof L.A.* The Mythological Epics of Dracontius in Their Social-Political Context: PhD Thesis. University of Oxford, 2017. 263 p.
- 4 *Bouquet J.* L'imitation d'Ovide chez Dracontius / ed. by R. Chevalier // Colloque: Presence d'Ovide. Paris: Les Belles Lettres, 1982. P. 177–187.
- 5 *Bright D.F.* The Chronology of the Poems of Dracontius // *Classica et Mediaevalia*. Revue danoise de philologie et d'histoire. Copenhagen, 1999. № 50. P. 193–206.
- 6 *Bright D.F.* The Miniature Epic in Vandal Africa. Norman: University of Oklahoma Press, 1987. 296 p.

18 О борьбе между разными династическими кланами см., например: [8, р. 57–82].

- 7 Kelly H.A. Ideas and Forms of Tragedy from Aristotle to the Middle Ages. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. 257 p.
- 8 Merrills A.H., Miles R. The Vandals. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 368 p.
- 9 Miles R. Vandal North Africa and the Fourth Punic War // Classical Philology. 2017. № 112. P. 384–410.
- 10 Mountford P. Some Thoughts on the First Simile in the Aeneid: Aeneid 1.148–156 // Iris. 2017. № 30. P. 77–83.
- 11 Nikolsky I.M. Images of Animals from Historia Naturalis in Political Rhetoric of Late Antiquity: Blossius Aemilius Dracontius' Lion // Шаги / Steps. 2020. Т. 6, № 1. P. 158–167. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-1-158-167>
- 12 Privitera T. Draconzio e il recupero dell'Oreste virgiliano // Res publica litterarum: Studies in the Classical Tradition 36. 2013. P. 170–181.
- 13 Rebeggiani S. From civil war to foreign expansion: cultural identity and the Hellenization of the empire in Statius and Valerius Flaccus // Rivista di cultura classica e medioevale. 2022. Vol. 64. P. 41–60. <https://doi.org/10.19272/202206501004>
- 14 Roche P. Dracontius' Orestes. London: Routledge, 2022. 142 p.
- 15 Schanzer D. A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's De Nuptiis Philologiae et Mercurii. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1986. Book 1. 237 p.
- 16 Stover T. Epic and Empire in Vespasianic Rome: A New Reading of Valerius Flaccus' Argonautica. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 244 p.
- 17 Tizzoni, M.L. The Poems of Dracontius in Their Vandalic and Visigothic Context: PhD Thesis. 331 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/29029892.pdf> (дата обращения: 08.07.2024).
- 18 Van Zyl Smit B. The Amorous Queen and the Country Bumpkin: Clytaemnestra and Egistus in Dracontius' Orestis tragoedia // Akroterion. 2010. № 55. P. 25–36.
- 19 Wasyl A.M. Genres Rediscovered: Studies in Latin Miniature Epic, Love Elegy, and Epigram of the Romano-Barbaric Age. Kraków: Jagiellonian University Press, 2011. 290 p.
- 20 Wolff E. Do Dracontius' Epyllia have a Christian Apologetic Agenda? / ed. by F. Hadjittofi, A. Lefteratou // The Genres of Late Antique Christian Poetry: Between Modulations and Transpositions. Berlin: De Gruyter, 2020. S. 139–49. <https://doi.org/10.1515/9783110696219-008>
- 21 Zwierlein O. Die "Carmina profana" des Dracontius. Prolegomena und kritischer Kommentar zur Editio Teubneriana. Mit einem Anhang: Dracontius und die "Aegritudo Perdiccae." Berlin; Boston: De Gruyter, 2017. 348 S.
- 22 Zwierlein O. Die 'Carmina Christiana' des Dracontius. Kritischer Kommentar. Boston; Leiden: De Gruyter, 2019. 222 S.

Источники

- 23 Эмилий Блоссий Драконций. Мифологические поэмы / под ред. В.Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001. 224 с.
- 24 *Blossi Aem. Draconti.* Orestis Tragoedia. Introduzione, testo critico e commento / a cura di A. Grillone. Bari: Edipuglia, 2008. 222 p.
- 25 *Dracontius.* Œuvres. Paris: Les Belles Lettres, 1995/2002. Tome III: La Tragédie d'Oreste. Poèmes profanes I–V / ed. by Bouquet J., Wolff É. 278 p.
- 26 Draconzio: La Tragedia di Oreste / a cura di E. Rapisarda. Catania: Università. Centro di studi di letteratura cristiana antica, 1964. 264 p.

References

- 1 Nikol'skii, I.M. "Mikeny — 'Fivam sosednie steny': stradal li Drakontsii topograficheskim kretinizmom?" ["Mycenae 'Are Taken so Near to Thebes': Did Dracontius Suffer from Topographical Cretinism?"]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages], vol. 31. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 198–200. (In Russ.)
- 2 Shumilin, M.V. *Neostanovimoe mgnovenie. Vremia v "Grazhdanskoi voine" Lukana* [The Unstoppable Moment. Time in Lucan's "Civil War"]. Moscow, Delo Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)
- 3 Boshof, Lynton A. *The Mythological Epics of Dracontius in Their Social-Political Context: PhD Thesis*. University of Oxford, 2017. 263 p. (In English)
- 4 Bouquet, Jean. "L'imitation d'Ovide chez Dracontius," ed by R. Chevalier. *Colloque: Presence d'Ovide*. Paris, Les Belles Lettres, 1982, pp. 177–187. (In French)
- 5 Bright, David F. *The Miniature Epic in Vandal Africa*. Norman, University of Oklahoma Press, 1987. 296 p. (In English)
- 6 Bright, David F. "The Chronology of the Poems of Dracontius." *Classica et Mediaevalia. Revue danoise de philologie et d'histoire*, no. 50, 1999, pp. 193–206. (In English)
- 7 Kelly, Henry Ansgar. *Ideas and Forms of Tragedy from Aristotle to the Middle Ages*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1993. 257 p. (In English)
- 8 Merrills, Andrew, and Richard Miles. *The Vandals*. Oxford, Wiley-Blackwell, 2009. 368 p. (In English)
- 9 Miles, Richard. "Vandal North Africa and the Fourth Punic War." *Classical Philology*, no. 112, 2017, pp. 384–410. (In English)
- 10 Mountford, Peter. "Some Thoughts on the First Simile in the Aeneid: Aeneid 1.148–156." *Iris*, no. 30, 2017, pp. 77–83. (In English)
- 11 Nikolsky, Ivan. "Images of Animals from Historia Naturalis in Political Rhetoric of Late Antiquity: Blossius Aemilius Dracontius' Lion." *Shagi / Steps*, vol. 6, no. 1, 2020, pp. 158–167. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-1-158-167> (In English)
- 12 Privitera, Tiziana. "Draconzio e il recupero dell'Oreste virgiliano." *Res publica litterarum: Studies in the Classical Tradition*, no. 36, 2013, pp. 170–181. (In Italian)
- 13 Rebggiani, Stefano. "From Civil War to Foreign Expansion: Cultural Identity and the Hellenization of the Empire in Statius and Valerius Flaccus." *Rivista di cultura classica e medioevale*, vol. 64, 2022, pp. 41–60. <https://doi.org/10.19272/202206501004> (In Italian)
- 14 Roche, Paul. *Dracontius' Orestes*. London, Routledge, 2022. 142 p. (In English)
- 15 Schanzer, Danuta. *A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's De Nuptiis Philologiae et Mercurii*, book 1. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1986. 237 p. (In English)

- 16 Stover, Tim. *Epic and Empire in Vespasianic Rome: A New Reading of Valerius Flaccus' Argonautica*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2012. 244 p. (In English)
- 17 Tizzoni, Mark. *The Poems of Dracontius in Their Vandalic and Visigothic Context*. PhD Thesis. 331 p. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/29029892.pdf> (Accessed 08 July 2024) (In English)
- 18 Van Zyl Smit, Betine. "The Amorous Queen and the Country Bumpkin: Clytaemnestra and Egistus in Dracontius' Orestis tragoedia." *Akroterion*, no. 55, 2010, pp. 25–36. (In English)
- 19 Wasyl, Anna Maria. *Genres Rediscovered: Studies in Latin Miniature Epic, Love Elegy, and Epigram of the Romano-Barbaric Age*. Kraków, Jagiellonian University Press, 2011. 290 p. (In English)
- 20 Wolff, Etienne. "Do Dracontius' Epyllia have a Christian Apologetic Agenda?" Hadjittofi, Fotini, and Anna Lefteratou, editors. *The Genres of Late Antique Christian Poetry: Between Modulations and Transpositions*. Berlin, De Gruyter, 2020, pp. 139–149. <https://doi.org/10.1515/9783110696219-008> (In English)
- 21 Zwierlein, Otto. *Die "Carmina profana" des Dracontius. Prolegomena und kritischer Kommentar zur Editio Teubneriana. Mit einem Anhang: Dracontius und die 'Aegritudo Perdicae'*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2017. 348 p. (In German)
- 22 Zwierlein, Otto. *Die "Carmina Christiana" des Dracontius. Kritischer Kommentar*. Boston, Leiden, De Gruyter, 2019. 222 p. (In German)